

СКЕЛЕТЫ

Я любил свои скелеты в шкафу —
Поболтать, покурить, постебаться!
А чтоб емко закончить строфу,
Я любил и люблю размножаться!

Все достойно ведут себя за столом,
И беседа разлита без края;
А все точки поставим мы хором потом;
На повестке пока запятая!

И не надо пытаться ни скелет, ни меня,
У кого-то я тоже в шкафу проживаю.

И, запутавшись в платьях, забыв белый свет,
О любви что-то там опять сочиняю!

Развеселый ансамбль, буду я запевалой;
Песни знают участники все наизусть!
А в миру меня судят все, как бывало,
Сея в людях тоску, сплин, занудство и грусть!

ЖИЗНЬ И НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЛЮБОВЬ СКЕЛЕТОВ В ШКАФУ

РАССКАЗ

1. ВОТ КАК БЫВАЕТ...

Честно говоря, я и не помню, когда поселился в шкаф... Хотя, наверное, правильнее было бы сказать, что моя возлюбленная (хозяйка, распутница — да черт знает, как ее величать) перестала меня навещать в моем новом жилище и постаралась вообще забыть о моем существовании. И я превратился из парня, видного и желанного многими представительницами, как их непонятно почему называют, прекрасного пола, в скелет в шкафу. Одушевленный ли я нынче предмет или неодушевленный, точно не знаю, но что-то ноет в том месте, где раньше искалась душа. А ноет довольно часто! Поэтому если выдается вечерок, который я провожу в одиночестве, то я беру гитару, старенькую, еще дореформенных времен, и пою задушевные песни. И ко мне на огонек заглядывают гости. А что?.. Шкаф, который приютил меня, — старинный, и у нас тут собралась приличная компания. Я еще в самый первый раз, когда она, моя хозяйка, привела меня в свой дом, обратил внимание на этот шкаф, вид которого резко контрастировал с остальной мебелью жилья моей Иришки, моей Лапули, моего Цыпленка. Тогда я и не мог предположить, что когда-то мне придется эмигрировать в шкаф, который станет моей новой родиной. А почему нет?! Как скелет в шкафу, я родился именно здесь и стыдиться этого факта не собираюсь. А в тот первый вечер, когда мы собирались послушать новые записи «квинов» и откусать чашечку кофею, я относился к Ирке как к одной из телок, встречавшихся довольно часто на моем пути. Я же не понимал тогда, что она решит выйти замуж за дипломата и что ей будет неудобно сообщать, что водила дружбу с волосатым музыкантом. А я был музыкантом, и мне нравилась моя профессия. Для информации ска-

жу, что хозяин моего тела и души никогда не стеснялся своей связи с Лапулей, и не суждено ей узнать, каково это — стать вдруг скелетом в шкафу. Хотя говорить об этом наверняка нельзя... Может, кто-то тоже ее упек в свой гардероб, и живет ее скелет там среди разнообразной одежды и обуви. Ладно, Бог ей судья...

А Иришка вышла замуж совсем неплохо. И теперь вся комната, которую я иногда могу обозревать, если дверь шкафа почему-то осталась открытой, выстроилась под стиль моего шкафа. Диван и кресло, стол и стулья — все соответствует званию «антик». А посуда, что покупалась по нереальным ценам? Короче, жизнь Лапули удалась, и она стеснялась своих воспоминаний обо мне, и даже перестала общаться с парой своих подруг, которые знали о наших двух неделях, когда у нас «сорвало крышу». А мой хозяин... Так он мужик, и даже будучи музыкантом, не расписывал в прессе о своих увлечениях. А потом, этих увлечений у него было так много, что он об Иришке и не вспоминал. Короче, мотал я, а если кто забыл, я — скелет в Иришкином шкафу, пожизненный срок и надежд на досрочное освобождение не питал. Правда, сначала думал, что вот умрет Иркин дипломат, и решит она написать мемуары, и выпустит меня на волю. Но у них в семье появились дети, и Лапуля не станет ломать образ приличной матери семейства. А потом... Ну, выйду я из своего шкафа, и как мне жить в этом мире, от которого я отвык и который меня не ждет? Про душу-то я говорил свои соображения, а есть ли она у меня (скелета в шкафу), нет ли, — вопрос открытый. А большие ученые почему-то исследованиями души мне подобных не занимались и не занимаются.

А если честно, мне тут даже нравится. От старых хозяев шкафа тут сохранилась целая популяция скелетов... Тех еще даже дореволюционных дамочек в платьях с кринолином и мужчин в котелках и смокингах. Они ча-

сто устраивают (назову по-современному) вечеринки, и, я вам скажу, мы в XX и XXI веке уступаем им в фантазии! Вино и кокаин, танцы и цыгане... Правда, откуда цыгане, подумал я сейчас. А почему нет? Может, хозяин и хозяйка из тех еще времен... В конце концов, цыган, если что было, надо в первую очередь спрятать в шкаф. Так вот, компания у нас здесь симпатичная, веселая, бесшабашная, и скучать не приходится. Правда, иногда начинают в шкафу проводить дезинфекцию, и тогда хоть затыкай нос или беги из «дома»... Но куда из него бежать? И вот дня три-четыре живешь как во время химической атаки. Но нас ничего не берет, и я, к примеру, сшил себе из марли масочку и переживаю это трудное время, не ропща на свою жизнь. А что роптать?! Пока люди озабочены поиском эликсира бессмертия, мы его

нашли. Главное, чтобы наш хозяин стыдился нас, своего безумного загула. Причем чем сильнее был этот самый загул, тем вернее, что его будут стыдиться. Но при этом важно, чтобы хозяин не превратил свой порок в спорт. Ну а если так, то тогда он будет о своих приключениях рассказывать налево и направо. А тогда... А тогда зачем меня и мне подобных прятать в шкафу? Значит, уважаемые скелеты, мы будем живы вечно, если в наших хозяевах будет жива совесть. Вот я думаю... А если Иришка на исповеди в церкви расскажет о моем существовании, что со мной будет? Буду ли я тогда тайной? Наверное, все-таки буду... Ведь о моем существовании пара подруг Лапули знает. Знают и молчат. И поэтому я жив...

А вообще тут жить можно. Недавно младший сын нашего дипломата и Иришки засунул в шкаф свой ста-

рый компьютер, и я теперь шарю в «Одноклассниках», и даже обнаружил сайт «Скелеты». Мы переписываемся, и, имея такой виртуал, мне не нужен никакой реальный мир. Реальный мир... Что мне от него? Девчонки? Музон? Всего этого в достатке. Так что живу, не горюю...

А неделю назад приходил какой-то, судя по тому, как лебезил Иркин дипломат, большой босс. Я подслушал, что он хочет купить антикварный шкаф, в котором я живу. Вечером Лапуля и ее супруг долго обсуждали проблему продажи шкафа. Ирка говорила, что он — символ их семьи, а муженек что-то говорил о том, что никогда не получит повышения, если не продать шефу наш антикварный шкаф. Ирка плакала, глава семьи настаивал.

И шкаф, который стал моей родиной, был продан. И через пару дней его перевезли на новое место жительства.

А вечером к нам, к старожилам старого шкафа, пришла большая незнакомая группа скелетов мужского и женского рода, судя по всему, перебравшаяся к нам из прежнего своего жилища, куда их прятали наши новые хозяева. И разбрелись по всем закоулкам любимого и почти целомудренного жилища, подыскивая удобное местечко для дальнейшей жизни. Как жить теперь дальше — и не знаю. Наверное, со скелетами жить — со скелетами и греметь костями!

Но потрясти костями не пришлось... Скелеты из нового шкафа оказались приятными, сговорчивыми ребятами. Хотя, при некотором раздумье, это показалось совершенно нормальным. Большинство мужских особей были брошены бывшими возлюбленными и, мало того, презираемы ими за то, что не умели устроиться в жизни. В общем, были хорошими ребятами... Зато гражданки чаще всего были стервами и опровергали мнение, что подобных женщин не бросают. Да, не так часто, но зато, если отшивали гражданку, ее начинали стыдиться и запрятавали глубоко-глубоко в шкаф, чтобы гарантированно никто не наткнулся.

А мужики были приятными бесшабашными ребятами, с которыми хотелось дружить. И мне сразу приглянулся один из них, которого звали Игорь Петрович. Он был открытый, веселый парень, который уже во второй день нашего знакомства рассказал историю своего похода в «скелеты».

2. ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ

Я так давно жил на своей (назовем это по-староречимому) жилплощади, что уже сбился со счета, сколько мне лет. Звали меня по паспорту Игорь Петрович, фамилия тоже была так себе — Беляев, но когда-то я был... Да-да, был и блистал в очень даже желанных для

многих кругах. Был для одних Игорем, для других Игоряхой, для третьих, с кем развесело выпивал, был Горынычем. И я успешно носил все три части сегодняшнего имени.

Игоряхой меня называла Кристинка, или Крыська, как я ее величал в период рассвета нашего бурного романа. Успешным или неуспешным был этот роман — не мне судить. С одной стороны, Крыська от меня умирала, и я мог ей вертеть как только заблагорассудится. Заблагорассудится... Какое сложное слово — и «благо» в нем есть, и «рассудок». А как раз блага-то и рассудка в моих действиях было ах как мало! Мы летели, именно летели, а не плыли, по течению. Крутые перекаты и омуты постоянно подстерегали нас на развеселом пути. Но мы не свернули себе шею, и Крыська даже умудрилась на одном из крутых поворотов реки нашей жизни подцепить отменного женишка: богатенького, умненького, с перспективой и с приличными родителями. Мне Крыский избранник не сильно мешал жить, и я получал по-прежнему ласку, внимание и даже иногда подарки от своей потихоньку становящейся бывшей. А потом возбужли ее родители: «Как так? Почему? Сколько это может продолжаться?» И Крыська начала грустить, и ей все чаще приходила в голову мысль: «С этим надо что-то делать!» А с другой стороны, Крыська и мной крутила так, что я удивлялся ее буйной фантазии.

И однажды, собрав большую сумку жратвы и положив в нее сменную одежду, Кристинка запрятала меня вместе с сумкой в родительский шкаф, в самый дальний угол. Поначалу в шкафу жилось совсем неплохо: Крыська заглядывала в гости, и мы всюду развлекались на родительской кровати, параллельно обсуждая смешные «достоинства» Крысиного жениха. Потом, правда, она вдруг сказала:

— Это не здорово, что мы за спиной Алексея обсуждаем его недостатки.

Я понял и все чаще стал наблюдать следы нашего взаимного отчуждения. Меня, собственно, не тяготила жизнь в шкафу, и я даже как достоинство воспринимал, что меня не показывают в приличной компании. Тем более что Игорь Петрович часто заглядывал в гости, и мы до хрипоты спорили, окунаясь в его научные проблемы. Горыныч тоже нет-нет да и заскакивал в гости с бутылочкой чего-нибудь интересенького. Так я и жил, пока однажды не услышал, как Крыська обещала матери вычеркнуть меня из своей жизни. И с этого момента я почувствовал, как плоть отделяется от моих костей и я постепенно превращаюсь в скелет в шкафу.

И живу я в этом состоянии долгие годы, размышляя, не являются ли моими родственниками Кощей Бессмертный и Вечный жид. А Крыська тем временем давно состарилась, и на нее не очень приятно смотреть,

когда она вертится около зеркала, вмонтированного в дверцу моего шкафа.

Горыныч докирлялся до того, что врачи его зашили, и он теперь проживает в теле Игоря Петровича, но на моей жилплощади. Такие вот странности нашей жизни в образе скелета в шкафу. Игорь Петрович несколько раз пытался провести меня, но Крыська резко сказала, что никакого Игоряхи не помнит и что надо обратиться на телевидение в передачу «Жди меня» — там помогут, там всем помогают! Бог ей судья. Но, судя по всему, Кристина стесняется даже своих воспоминаний обо мне, и поэтому жить мне в этом шкафу вечно.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

А собственно, почему нет?! За годы супружеской жизни Крыськина плоть часто толкала ее на различные приключения. Естественно, Алексей, ее благоверный, обо всем этом не догадывался. И постепенно моя жил-

площадь превращалась в мужское общежитие, где обживались разнообразные по уровню достатка, возраста, социального статуса мужские особи.

Алексей, правда, тоже пару раз отличился, и в итоге на женской половине поселились сначала одна, а потом еще парочка очкастых девиц. Потом во время сессии — а Алексей Федорович был еще и профессор — появилась очень даже ничего нимфетка, которая, видимо, таким образом сдавала очередные экзамены. Я подсутился, дал Игоряху в полный рост, и Лешина двоечница получила наглядный урок мастерства в этом приятном деле. А что? У меня есть перспективы выбраться из этого нафталина? Я эту студентку развращал? Да она сама кого хочешь всему чему угодно научит... А потом непонятно, будет ли конец этой истории... Выберусь я из этого шкафа или нет? Игоря Петровича я в себе окончательно изжил и даже не мечтал заниматься научной работой. Короче, находил я свои маленькие радости в шкафу, смотрел вечерами в специально приспособлен-

ное мной отверстие телевизора. Сравнивая свою, имени Игоряхи, жизнь с той, которую крутили по телику, пришел к выводу, что та моя развеселая «совковая» была веселее и даже духовно богаче нынешней. Ну да, не едали мы лобстеров, но кайф от мелких креветок в пивбаре «Жигули» был, пожалуй, покруче замешан, чем все нынешние, когда уже не знаешь, что выпить, нюхнуть или уколоть, чтобы вернуть себя к комфортному плаванию по жизни. Честно... Да ладно, не буду брюзжать, я же еще молодой скелет. И я живу воспоминаниями, которые у меня никто не отнимет — ни Крыська, ни Горыныч. Хочу сказать, что если бы я захотел, то мог

бы запросто свалить в самоволку в соседний клубешник. А почему нет?! Кто за мной следит вечерами? А денег в карманах одежды, хранящейся в шкафу, можно надьбать достаточно. Но не хочется греметь костями и пугать молодежь ветхозаветными шуточками. Живите... А я полистаю перед сном свою память, чтобы войти в состояние комфорта.

4. ВИКА

Вечером заскочила Вика (так звали Лешкину нимфетку).

— Ты кофейком не богат? — с порога спросила она.

— Заходи, сейчас чего-нибудь придумаем.

Я не спеша приготовил кофе и приготовился за его чашечкой поболтать с Викой о том, как она не уберегла себя и оказалась в такой, скажем так, спорной компании. Вика еще не успела обзавестись новыми друзьями в нашем шкафу и поэтому невольно тянулась ко мне, потому что я не грузил ее серьезными разговорами и не задавал девочке неудобных вопросов. Собственно, и наше грехопадение прошло как-то так между делом, что ли... Я не мучил ее проблемами морали, но всячески показывал, что я ей благодарен и что мне с ней было здорово.

Мы не спеша потягивали кофе, болтая о всякой всячине, и наконец Викину прорвало.

— Ты, наверное, считаешь меня душой?

— С чего ты взяла?

— Ну как же? Переспала с мужиком, с которым не только не справила удовольствия, так он еще отправил в эту ссылку, в шкаф?

— Знаешь, от того, что ты — такая греховодница, я только выиграл: жизнь моя засверкала всевозможными красками.

— Ну, это-то понятно. Ты, милый, такой же эгоист, как все мужики, — пробормотала Вика.

— Хотя меня как несостоявшегося отца интересуют все-таки основы твоего грехопадения, — улыбнулся я, стараясь погасить Викину агрессию.

— Ты не поверишь, но я же предмет Алексея очень даже прилично рассекаю.

— И чего тогда? — в непонимании пожал я плечами.

— Знаешь, а был один, всего один взгляд (ха-ха!) профессора на мои коленки во время сдачи экзамена. И я увидела, как его буквально затрясло от вожделения. Ты удивишься, но меня почему-то тоже тряхнуло. К сожалению, в постели ничего подобного я, да и он не почувствовали. Было много суеты, а теперь вот счастье без всякой диеты превратится в соблазнительные кости.

— Ладно, Вик, — приобнял я девочку, — мы еще потрясем этими самыми костями. Как тебе нравится такое объявление: «Встречайте, уникальный танец двух скелетов из старинного шкафа!»

Вика надолго замолчала, и я не торопил ее. Она должна была смириться со своим новым положением. Девочка должна была понять, что жизнь вне пределов шкафа, на воле, значит, мало отличается от тюрьмы в компании скелетов. Но для этого понимания должно пройти определенное время.

— А знаешь, у тебя не все так безнадежно, как у меня.

— Это еще почему? — почти выкрикнула Вика.

— А потому... Зная Крыську, могу предположить, что Леша ей надоест, что у нее уже и случалось (смотри, сколько его соперников живет на мужской части шкафа). Так что она может влюбиться и бросить твоего профессора, и тогда Леха, а я знаю мужиков, проболтается о тебе своим друзьям, ты перестанешь быть запретным плодом, и он выпустит тебя на свободу.

— Эх, твоими бы устами... А чего ты кофе пьешь? Сердце не выскочит? Не пора ли вам, милый скелетик, заняться мной? — сказала Вика и потащила меня в чащобу Крыськиных шуб.

Я сопротивлялся, но не так чтобы очень.

5. РАССУЖДЕНИЯ

Проживая, и достаточно комфортно, в качестве скелета в чужом шкафу, я задумался... Задумался над тем, построил ли я свой персональный шкаф, и если построил, то кто и в каком количестве там проживает. Вроде за свои похождения по паркету с различными гражданками я себя не осуждал. А чего осуждать? В своих походах я чувствовал себя героем и совершенно не прятал от окружающих своих побед на любовном фронте. Не хвастался, но и, боже упаси, не стеснялся ни одного из своих грехопадений. Все мои избранницы мне были любы, больше того, практически каждый раз я увлекался, а расставания происходили мирно, без битья посуды и глупых истерик. Так что я вел обычный среднестатистический образ жизни, не мешая никому из ближайшего моего окружения.

Но это я проинспектировал Игоряху, проживавшего в моем теле. А как там обстояли дела с Горынычем, который с Игоряхой практически не пересекался? Фраза «рожденный пить любить не может» была в моем поведении основополагающей, и я никогда не смешивал два этих дела вместе. Отправляясь с друзьями выпивать, я напрочь отсекал мысли о прелестницах. Куда смотрел в это время Игорь Петрович, я не знаю. Наверное, он считал, что для успешного продвижения по карьере он должен время от времени расслабляться. И вот теперь я мотаю свой срок в чужом шкафу и не очень-то надеюсь объединиться с Игорем Петровичем. Горыныч — тот, как завязал с выпивкой, — пришел ко мне на мою жилплощадь, да и остался. Ему-то легче пришлось — никто его в шкаф не заселял, его все любили и всем миром спасали. Вот... А я тяну свою ляжку и не знаю, чем все это закончится. Примет ли меня с подмоченной репутацией Игорь Петрович, если, знамо дело, удастся вырваться из моей обители, не знаю. Да, впрочем, у нас здесь, в шкафу, подобралась непло-

хая компания, а с появлением Вики у меня начался просто какой-то ренессанс. Вон и Витек, музыкант популярного ВИА, все норовит завести со мной дружбу. Пойду зайду к нему в гости, он хотел о чем-то со мной потрепаться.

6. ВИТЕК

Он был расклепанным волосатым усатым музыкантом, таким сержантом Пеппером советского разлива. Гитара, которая примостилась рядом с ним в углу его обители, позволяла думать, что мне придется

окунуться в пучину творчества вместе с молодым дарованием.

— Ты, надеюсь, на меня не сердишься? — спросил Витек, когда я расположился на стуле, любезно мне предложенном хозяином заповедного угла нашего развеселого шкафа.

— Да бог с тобой, Витя.

— Я ее не собирался отбивать у тебя. Да и вообще ничего не собирался. Все вышло само собой.

— Это очень похоже на Крысю.

— Забавно ты ее называл — Крыся!

— А ты ее как величал? — спросил я.

— Я? Она откликлась у меня на имя Кельми.

— Ты молодец, голова работает!

— Тем и живу... Собственно, я хотел тебе поведать историю своего грехопадения.

— Так и грехопадения? — ответил я через паузу. — Должен тебе сказать, что Крыська давно меня не интересуется.

— Да-да, грехопадения. А то чего бы я тут торчал? Представляешь, она назвалась журналисткой, желающей взять у меня интервью.

— Узнаю брата Колю! — голосом С. Юрского, исполнителя роли Остапа Бендера, ответил я. — И что дальше?

— Я отвечал на ее вопросы, пел новые песни, а потом, не знаю как, мы оказались в койке.

— Ты не знаешь, а я знаю, как, хочешь, расскажу?

— Не надо... Я даже в нее влюбился. Верить, я даже написал новую песню...

— И, наверное, хочешь, чтобы спел ее Крис Кельми?

— Ну да, что-то в этом роде.

— Ты мне ее обязательно покажи, я должен до конца понять, чего же я потерял в этой жизни!

Витек что-то еще долго бессвязно бормотал-объяснял, потом взял гитару и запел:

От моих вокзалов до твоих перронов
Мы блуждали рядом, но не вместе,
И желтели листья на осенних кронах,
И к тебе дорогу отыскала песня.

Припев:

Зачем шагнула ты навстречу?

Зачем горел для нас закат?

Зачем укрыл тебя промозглый вечер?

И все слова вновь не попад!

Я уходил от Витька на свою территорию, искренне радуясь за Крыську, которая так весело и беззаботно прожигала свою жизнь.

7. И СНОВА КРЫСЯ

А однажды в пятницу вечером, когда я уже было собрался посмотреть по телевизору развлекательную передачу, в шкафу без всяких предупреждений появилась Крыся.

— Ты чего к нам? — спросил я Крыську, будто мы расстались пять минут назад.

— Да вот! Решила сменить обстановку и пожить немного с вами... Заодно прибраться в любимом шкафу.

— Ты о нашей родине говоришь будто о грязной посуде, которую надо засунуть в машинку и перемыть.

— А как ты мне прикажешь о шкафе, который украшает мой дом, говорить? С придыханием? Тем более что в нем живет черт знает кто?!

— Ну, положим, бóльшую часть населения ты знаешь, даже, скорее всего, помнишь, кого и за какие проделки ты сюда поселила.

— Ты как всегда, Игоряха, прав, но я видела сегодня каких-то тусклых девиц... Это что, мой Леха?

— Леха, Леха...

— Да, парниша совсем без полета... Представляю, кем бы ты заселил шкаф, будь твоя воля.

— А я и заселил... Только мой шкаф базируется совсем в другом месте. А этот... Здесь мне приходится использовать то, что ты, а теперь и Алексей, мне предоставляют для дружбы и общежития.

— Поганой метлой всех из моего шкафа!

— Крысь, а репутация?

— Ничего, Леха переживет, а я так только легче вздохну!

— А я? Я же ко многим уже привык, а Викой я просто увлечен.

— Вот Вика и вылетит отсюда в первую очередь. Я тут собираюсь пожить некоторое время, и эта потаскушка будет тебя отвлекать от меня. Так что, милый, сегодня вечером большая стирка, спрячься на время, чтобы я тебя ненароком не вымела.

— А вымети меня, пожалуйста! Ты не представляешь, как мне надоел твой шкаф.

— Это почему-то я не представляю?! В трех или четырех шкафах в разных концах страны я плотно поселилась, и перспектив выбраться ноль.

— Ладно, это другая жизнь. Я вот не понимал, что имеют в виду ученые, когда пишут о жизни в другом измерении. Теперь понял... Это жизнь в другом шкафу.

— Игорек, ты всегда забавно мыслил. Молодец! Хвалю тебя и в награду тебе подарю забываемую ночь.

— Подожди со своей ночью... Расскажи, чего тебя черт к нам в шкаф занес?

— Именно черт... Он меня посадил на стакан, причем серьезно посадил, а потом нашептал, что я должна, чтобы сохранить остатки репутации, ото всех спрятаться. Я согласилась, и тогда он мне подыскал место, где я могу отлежаться. Заодно пройду здесь курс лечения от своего пристрастия. Это мой шкаф. Никто не догадается, что я сама себя сюда заточила.

8. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Я с ужасом отодвигал время нашего с Крыськой «счастливого» обладания друг другом. Я фантазировал и тайком смотрел порнушку. Мне пришлось даже выпить, и я очень боялся, что во мне проснется Горыныч!

потом его трудно будет снова возвращать в приличные кондиции. Нет... Все прошло практически в рабочем режиме — и с Горынычем, и с моей ненаглядной. Крыська даже осталась довольна уровнем моих притязаний. Об этом я мог судить, слушая, как она постанывает во время этого приятного дела.

— Какая же я дура, — сказала Крыська, откидываясь на подушки и закуривая сигарету. — Променять тебя на Леху... Да. Хоть на десять Лех. Ты — конвертируемая валюта, а все они — деревянные рублики-копеечки.

— И в какой валюте ты нынче держишь свои сбережения?

— А негу сбережений! Все сгорело во время инфляций-девальваций, и теперь вот перебиваюсь случайными заработками. Вот сегодня зарплату выдали в «игорях».

— И чего, пойдешь по курсу обменяешь?

— Не, отложу на черный день, — ухмыльнулась Крыська.

— Бережливая ты моя, — сказал я, удобно располагая свою руку на не совсем еще потерявшей кондиции груди своей древней подруги, — ты не дрейфь, я еще богат «игорьями», мы же их пропивать не будем.

— Не... Я в завязке.

— И я про то же...

— Знаешь, Игорек! Я решила сменить гнев на милость.

— Это как?

— Не буду я никого из шкафа выгонять, всем места хватит! Всё это дела минувших дней, всё уже как-то утряслось, а тут я «здрассте пожалуйста!» Потом, Леху жалко, да и Вику твою, и тебя, мил человек, не хочется обижать. Какие у тебя тут радости?

— Во-во!

— Так что живите, размножайтесь... Нет, неконтролируемого размножения не допущу. А справить удовольствие? Да завсегда!

9. ФИНАЛ

Время, как и обычно, летело вперед курьерским поездом. Крыська пошла на поправку. Решительно прекратив возлияния, моя ненаглядная сильно получше: изменился цвет лица, расправились морщины, пропала хрипотца в голосе. Короче, скинула хозяйка шкафа лет пятнадцать со своих плеч. И все чаще в разговорах со мной она обсуждала свою жизнь после своего возвращения в «свет». Моей особе в этой жизни места не было, да я и не сильно претендовал на нее. Как прошли дни моего ренессанса старинного чувства? В общем-то, никак... Крыська не сильно меня мучила выполнением «супружеского долга»: во-первых, возраст Крыськи умерил ее аппетиты, а потом, жизнь мирская ее сильно отвлекала, так как, используя телефон (чтобы себя не выдавать), она постоянно ее курировала. Мне иногда удавалось вырваться к Викуле, и наши встречи, получив некий запретный привкус, получились яркими и доставили нам не замеченное ранее острое удовольствие.

А однажды Крыська пришла к нам в шкаф с Игорем Петровичем.

— Ну как ты тут без меня? — спросил он меня, когда мы остались с ним наедине.

— Да нормально все, я привык. Потом, Горыныч со мной живет.

— И как с ним-то? Нет проблем? — спросил Игорь Петрович.

— Горыныч? Он во мне смиренно живет, и мне с ним не скучно. Мы часто с ним обсуждаем различные вопросы, и он часто дает очень даже практичные советы.

Я каким-то боковым зрением заметил в дальнем углу среди платьев Крыськи силуэт Вики. Она явно не хотела быть замеченной.

— Игоряха, — как ни в чем не бывало продолжало мое второе, да что я, первое «я», а нет ли у тебя желания закончить с раздвоенностью нашей природы и начать наконец жить вместе?

— Вместе?

— Нет, я пока не готов резко менять свою жизнь, — ответил я, — и потом, ты будешь смеяться: влюбился я. Представляешь, скелет в шкафу — и влюбился! И тот полет, который я нынче, гремя костями, совершаю, не сравнится ни с одним твоим открытием. Ведь я помню твою радость от своих достижений, я все же, хоть немного, частица тебя.

— Знаешь, а во мне тоже живет Игоряха... То-то я чувствую, что в последнее время я как будто летаю. Так это во мне твоя влюбленность проросла. Что ж, Игорек, все правильно, живи в своем шкафу, я буду приходить к тебе в гости и набираться духовных сил. Так будет всем лучше!

— Yes!!! — услышал Игоряха в Крыськином углу.

Он обернулся на голос и увидел Вику, вскинувшую вверх победно руку со сжатым кулаком. Счастливо улыбаясь, девочка скрылась в лабиринте Крыськиного гардероба.

